

НАРОДЫ КАВКАЗА.

Кавказ необычно пестр в этническом и языковом отношении. На его сравнительно небольшой территории сосредоточено значительное количество существующих в непосредственном соседстве друг с другом языков и национальностей, начиная от довольно крупных групп и кончая мелкими, насчитывающими в себе всего по несколько тысяч (а иногда и сотен) человек.

Ознакомление с этническим составом населения Кавказа мы подчерпнем из беглого обзора современной классификации кавказских народов, составленной на основе изучения их языков, делящихся на несколько т. н. «родственных» групп.

Самую богатую и разнообразную группу на Кавказе представляют *яфетиды*.

Западные яфетиды—абхазы и черкесы (адыге). Черкесы внутри себя дают картину значительной дробности, делясь на кабардинцев, бесленеев и «кях» (что значит «нижний»), под каковым названием кабардинцы объединяют западных адыге, состоящих из абадзехов, темиргоев, бжедухов, шапсугов и хакучей и представляющих собой жалкие остатки, сохранившиеся после разгрома черкесов русскими войсками и массового выселения в Турцию в середине XIX в.

Почти все черкесские народы называют себя адыге. Это прочно установившееся национальное самоназвание, применяемое не только по отношению к людям, но и по отношению к языку (адыгэбзэ), кодексу правил общественной вежливости (адыгэ-хьабзэ) и другим явлениям культуры. Все это показывает высокую и давно сложившуюся стадию национального развития черкесов в противоположность, напр., некоторым группам т. н. восточных яфетидов (ингушам, чеченцам и некоторым дагестанским народам).

Этнические элементы, из которых впоследствии путем сложных процессов создавалась черкесская национальность, известны еще с классической древности под целым рядом наименований—керкетов, дзиков, синтов и др. В русских летописях они называются косогами. В южно-русских степях следы прото-черкесов сохранились во многих географических названиях.

В процессе оформления черкесской национальности, а также и других «этносов» Северного Кавказа, важными факторами были черноморские греческие и римские колонии,—эти очаги торгового и культурного воздействия, торговые пути, соединявшие запад с востоком и север с югом, и торговые сношения.

Довольно рано (в средние века) у черкесов возникли взаимоотношения с русскими феодальными организациями.

К XVI в. у наиболее передовой части черкесов—кабардинцев, занимавших территорию на важном торговом пути (соединявшем азиатский Восток с Турцией и Византией через Каспийское море, Северный Кавказ, Черное море и Крым), прочно сложился феодальный строй с хорошо выраженными моментами эксплуатации зависимых сословий (крепостные, рабы) и ленными отношениями дворян к князьям.

Кабардинские князья-феодалы сделались видными поставщиками рабов, добывая всеми средствами живой товар и находясь между собой в постоянных усобицах. Получив экономическое преобладание и усилившись в политическом отношении, кабардинцы подчинили своему влиянию соседей—родственников себе западных адыге, а также балкаро-карачаевцев, осетин и чечено-ингушей. Кабарда стала играть доминирующую на Северном Кавказе роль. Кабардинский язык, как язык господствующей феодальной организации, приобрел для всего края значение междunarодного. Кабардинская одежда, обычаи, правила общественного обхождения—все это перенималось, считалось достоянием хорошего тона и широко распространялось по Северному Кавказу. Своей экономикой, общественным строем и формами культуры кабардинцы стимулировали в то время на Северном Кавказе, от моря и до моря, разложение родового строя и развитие феодализма.

Эта волна, естественно, захватила и родственников кабардинцам западных адыге, причем племена, жившие ближе к Кабарде, довольно скоро развили у себя феодальные отношения, а более отдаленные (шапсуги и особенно абадзехи) оставались на стадии родового строя. Между феодалами и родовыми общинами происходила постоянная борьба. В XV в. на сторону феодалов встала Екатерина II, помогая бежидухам разбить шапсугов и абадзехов.

Племена западных адыге, как оставшиеся на более ранней, сравнительно с кабардинцами, ступени развития, сохранили до наших дней гораздо больше пережиточных форм, что, как мы увидим, хорошо проявляется и в области их религиозных верований.

Восточные яфетиды—три «вейнахских» народа по терминологии проф. Н. Яковлева, с близко родственными языками—чеченцы, ингуши, цова-гуши (бацби) и сложная группа народов Дагестана, состоящая из аварцев, 8 мелких т. н. андийских народов, 4 т. н. дикийских народов, арчинцев, 3 т. н. даргинских народов, лезгин (кюринцев), табасаранцев, 9 мелких т. н. самурских народов и лаков (кази-кумуков).

«Вейнахцы» с IX в. подвергались воздействию культуры Абхазо-Грузинского царства. Архитектурные памятники, до-мусульманская «языческая» религия и современный ингушский язык в его нагорных наречиях—все это окончательно сложилось к XV в.,—моменту падения Грузинского царства.

Культурный очаг, куда проникало из Грузии и откуда распространялось указанное влияние среди вейнахских родовых общин по нагорьям современной Ингушии и Чечни, находился в Ассинском ущелье,—в центре территории, занятой ингушами. Со второй половины XVI в. начинается эмиграция некоторых вейнахских племен с гор на теперешнюю чеченскую плоскость с вытеснением отсюда гребенских казаков.

Горцы на плоскости подверглись влиянию соседей (кабардинцев, русских и др.), и в результате дали новую культурную область, в которой и сформировалась чеченская национальность; таким образом, ингуши и чеченцы в сущности один и тот же народ.

Культуры многочисленных дагестанских яфетических народов изучены мало. До сих пор мы не имели в литературе, связанной и объединяющей все разрозненные материалы, истории Дагестана.

В процессе истории древних насельников Дагестана имели место оттеснения в эту страну, изобилующую суровыми нагорьями, и с севера (с южно-русских и северо-кавказских степей) и с юга (со стороны Закавказья).

В результате многовековых исторических процессов в Дагестане создавались отдельные этнические группы, дошедшие до нас, по тем или

иним причинам, в виде народов, находящихся на различных стадиях общественного развития. Как мы уже указывали, западные яфетиды (черкесы) достигли более высокой ступени в смысле своего национального оформления, чем восточные (ингуши, чеченцы, «дагестанцы»).

Среди восточных яфетидов мы встречаем ряд народов, не имеющих еще национальных самоназваний на родном языке.

Отдельные части таких народов называют себя именем того рода или сельского общества, из которого они происходят. Это состояние — пример той общественной стадии, когда каждая родовая община, обладая значительной хозяйственной самостоятельностью, считает себя вполне автономной единицей, ясно не осознавая принадлежности всех таких общин, говорящих на одном языке и объединенных одной культурой, к единому «этносу».

Еще до недавнего времени чеченские и ингушские общества именovali себя просто «наш народ» (вейнах).

Аварцы, один из самых крупных народов Дагестана, до сих пор не применяют общенационального имени, называя себя «горцами» (марул), или именуясь по названию селений.

В то же время, для целого ряда мелких соседних народов, аварский язык является «международным», — как язык экономики и политической жизни данного района.

В Дагестане существовали феодальные отношения. Судя по описанию Олеария, проезжавшего по территории мелких дагестанских народов в 30-х гг. XVII в., здесь наблюдался в то время переходный период от родового строя к феодализму. Приведем небольшую выдержку из указанного автора:

«Питаются они от своего скота, уход за которым больше лежит на обязанности женщин. Мужчины же беспрепятственно разъезжают или уходят из дому... и вовсе не совестятся похищать детей друзей своих... и продавать их персиянам... С путешествующих купцов они собирают большие поборы и пошлины... Ни персияне, ни русские, между владениями которых проживают эти народы, не могут обуздать их военной силой, ибо они тотчас убегают в непроходимые горы и укрываются там в высоких и безопасных авлах. В стране находится много разных князей»...

По религии яфетические народы Дагестана — мусульмане (преимущественно сунниты).

Южные яфетиды — грузины (картвелы), имеющие много племенных и географических подразделений (карталины, месхи, имеретины, лечхумцы, рачинцы, гурийцы, аджары, кахетицы, инглои, тушины, шшавы, хевсуры и др.), сваны, мегрелы и лазы (чань).

Все яфетические народы южной группы и абхазы из западной группы в историческом ходе своего развития были ближайшим образом вовлечены в круг процессов, создавших многовековую так назыв. грузинскую культуру.

Разнообразие природных условий Грузии, сложность ее исторических судеб, связанных великими культурами европейского Запада и азиатского Востока, — все это и поньше отражается во многих ее уголках необычайным богатством с одной стороны пережитков самых примитивных общественных формаций с семейно-родовым укладом, а с другой стороны — следов феодализма, государственности, расцвета культуры и т. п. По религии: грузины — христиане (б. ч. православные и небольшое количество католиков) и мусульмане суннитского толка (аджарцы, интилои); мегрелы — православные; сваны — православные; лазы — мусульмане (сунниты).

Тюркскую группу составляют: азербайджанские тюрки, тюрки нагорные—(карачаевцы, балкарцы, кумыки), ногайцы и трухмены.

К т. н. *иранской* группе кавказских народов относятся таты, талыши, курды и осетины, считаемые скрещенным ирано-яфетическим народом. Осетины по своим историческим судьбам, верованиям (несмотря на официальную религию—православие) и быту близко связаны с соседними горскими народами Северного Кавказа.

Особняком, вне групп, стоят *армяне*, скрещенный яфетидо-индоевропейский народ,—носители древней культуры и государственности.

В сборнике мы даем очерки и материалы по религиозным верованиям следующих народов Кавказа:

- а) по восточным яфетидам: ингуши и чеченцы,
- б) по западным яфетидам: черкесы и абхазы,
- в) по южным яфетидам: сваны и грузины,
- г) по остальным народам: осетины и армяне.

БИБЛИОГРАФИЯ:

У. Алиев. Кара-халк (черный народ). Очерк историч. развития горцев Сев. Кавказа. Севкавказ. Р.-Д. 1927 г.

Большая советская энциклопедия (т. I, Москва, 1926 г., статьи: Адыгейская авт. обл., Аджаристан. Респ., Абхаз. Респ., Армянская Респ., Азербайджан. Респ.).

Большая советская энциклопедия (т. XIX, Москва, 1930 г., статьи о Грузинской Респ.).

Ф. Гакстгаузен. Закавказский край. СПб. 1857 г.

Документы по русской политике в Закавказье, вып. I, Баку, 1920 г.

Г. Дзагуров. Переселение горцев в Турцию. Севкавказ. Р.-Д. 1925 г.

Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, 6 тт. СПб. 1871—88 гг.

Н. Марр. Кавказ и памятники духовной культуры. Петр. 1918 г.

Н. Марр. По этапам развития яфетической теории (изд. научно-исслед. инст. народов Востока. Москва-Ленинград, 1926 г.).

Ф. Махарадзе. Грузия в XIX в. (в Трудах I-й всесоюз. конференции историков-марксистов, т. I. Москва 1930 г.).

М. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX в. (Завоевание Кавказа) М.-П. 1923 г.

Н. Яновлев. Языки и народы Кавказа (печатается в Тифлисе, изд. Закавказ. книги).

ИНГУШИ И ЧЕЧЕНЦЫ.

Ингуши и родственные им чеченцы занимают на Северном Кавказе территорию, непосредственно примыкающую к Главному Кавказскому хребту (его северным склонам). На востоке они граничат с Дагестаном, на западе с Осетией и на юге с Грузией, лежащей по ту сторону хребта. Южная часть чечено-ингушской территории заполнена и изоброждена гребнями и отрогами целого ряда хребтов, идущих параллельно Главному,—Бокового, Скалистого, Пастбищного и Черных (лесистых) гор. Нагорья, постепенно понижаясь, переходят в зону волнистых предгорий, а эти последние в равнину, занимающую северную половину страны с протекающими по ней Терекom и Сунжей. Множество горных рек, берущих начало в ледниках и на возвышенностях, прорезают край в направлении с юга на север.

Старейшие места расселения чечено-ингушских племен—южная, нагорная часть данной территории. На равнину они вышли значительно позднее (процесс этот начался в XVI в. и закончился лишь в начале XIX в.).

До спуска с гор эти племена, жившие отдельными родовыми общинами, не представляли собой тех национальных целых, которыми являются для нас нынешние ингуши и чеченцы. Самые названия «ингуш» и «чеченец» весьма поздние и данные им русскими в эпоху завоевания Кавказа по именам больших аулов—Онгушт и Чечен.

В период с XVI по XIX вв. из группы родственных племен постепенно складываются две национальности—сперва та, которую мы называем чеченцами (нахчуй) — с XVI в. и уж позднее (XVIII—XIX вв.) ингуши (галгай).

«Молодость» национальной культуры этих племен особенно хорошо сказывается у ингушей, которые (в глухих нагорных обществах) еще до недавнего времени называли себя только по именам отдельных разрозненных родов и сохранили значительное количество пережитков родового строя.

Теперешнее самоназвание ингушей—«галгай» в недавнем прошлом было именем одного из нагорных ингушских родов, державшего в своих руках ущелья, по которым проникали главнейшие транзитные пути между Предкавказьем и Грузией. Такое положение повлекло за собой экономическое усиление «галгаев» и зачатки развития феодализма. «Галгаи» подчинили своему политическому влиянию ряд соседних ингушских родовых общин, захватив в свои руки феодальное господство над ними. В XVIII—XIX вв. они сделались инициаторами колонизации ингушами равнины, и, в конечном счете, передали свое фамильное прозвище всей национальности.

Ингуши и чеченцы занимаются в преобладающем большинстве сельским хозяйством. Их хозяйство (особенно в нагорьях) носит экстенсивный натурально-потребительский характер. Техника полеводства (особенно в нагорьях) характеризуется применением весьма примитивных орудий обработки земли. В скотоводстве (разведение молочного скота, овцеводство и козоводство)—применяется пастбищная система с заготовкой кормов и стойловым периодом. Подсобные занятия для некоторых районов—пчеловодство и садоводство. Из довольно скудных кустар-

ных производств мы можем указать на обработку шерсти (тканье сукна, валяные конки), дерева, глины (изготовление посуды, черепицы, кирпича) и металла (кузнечное производство, чеканка медной посуды, ювелирное дело).

Общие замечания о религии ингушей и чеченцев.

Оба народа в настоящее время исповедуют ислам (сунниты). Однако религия эта окончательно укоренилась среди чечено-ингушских племен сравнительно не так давно. Потоки мусульманских влияний попадали к ним в нагорья с двух сторон—с востока и со стороны Турции и Крыма, т. е. запада. Относительно Чечни мы имеем документальные данные о том, что еще в конце XVIII в., когда там воевали войска Екатерины II, некоторые чеченские роды приносили присягу не по мусульманской формуле, а именами своих более древних богов. В Ингушцию ислам окончательно проник еще позднее — в XIX в., и только в самый момент завоевания Кавказа русскими мусульманство принял последний ингушский аул Гвилеты (1861 г.).

Война с Россией создала (особенно в Чечне) благоприятную почву для пропаганды ислама, который явился в тот момент особенно удобным идеологическим средством воодушевления национальной борьбы.

Пережитки «язычества» и старого христианства, просачивавшегося в чечено-ингушские нагорья из Грузии еще со времени средневековья (вплоть до эпохи упадка Грузинского царства в XV—XVI вв.), в Ингуштии, как это и естественно, сохранились гораздо лучше, чем в Чечне.

Не задаваясь целью в настоящей статье описывать мусульманскую религию чеченцев и ингушей, тему о религиозных верованиях этих двух, родственных и переживших единые исторические судьбы, народов, мы представим изложением их «домусульманских» верований и обрядов, основываясь почти исключительно на ингушских материалах. Эти последние вполне пригодны для того, чтобы по ним можно было иметь представление и о том, что происходило среди восточных родовых общин, оформившихся в чеченскую национальность.

Относительно Чечни мы только еще добавим, что там ислам укоренился весьма прочно. До сих пор среди народа жива почтительная память о Шамиле и других имамах, сыгравших крупную роль в истории чеченского мусульманства и искоренивших среди чеченцев «языческие» верования и обряды.

Для иллюстрации религиозного фанатизма чеченцев, мы приведем пример, почерпнутый из книжки Д. Шерипова¹⁾.

Как-то по аулу Автуры разнесся слух, что едет потомок Магомета. К приему столь важного гостя готовился один из местных жителей — богатый и влиятельный человек. Кунацкая была вся покрыта коврами. Резались бараны, варились и жарилась пища.

«Во двор въехали штук 10 фаэтонов и за ними масса верховных и пеших. Из первого фаэтона хозяин предупредительно помог выйти почетному гостю. Муллы также бросились помогать и чуть ли не на руках доставили гостя—тучного и безобразного араба—в комнату и посадили на перину. Черная толстая физиономия араба лоснилась. Он важно обвел собравшихся маленькими, залпывшими от жира, глазками. Изредка перекидываясь словами на арабском языке, араб поглаживал свой живот, и, видимо, иронически осматривал собравшихся. Через некоторое время араб сказал несколько повелительных фраз, и вскоре появились

¹⁾ Д. Шерипов—Очерк о Чечне. Изд. Чеч. обл. исполкома, Грозный, 1929 г.

двое мулл, причем один нес большой эмалированный таз, а другой — кувшин. Потомок Магомета, засучив рукава и сняв обувь, начал совершать обряд омовения. Основательно вымыв ноги и руки, он несколько раз выплюскал рот. Один престарелый мулла бережно взял таз и начал подносить его присутствовавшим. Каждый делал по одному глотку «святой» воды. Таким образом, более счастливые успели попробовать грязной жидкости, те же, кому этих помоев не хватило, были чрезвычайно опечалены. Араб самодовольно следил за пропедурой и, видимо, остался доволен. Затем потомок Магомета отдал должное всем угощенным хозяина и, получив от собравшихся значительную сумму денег, поехал к другим почитателям.

Во время пребывания в Чечне, потомок Магомета часто менял жен, т. к. каждый чеченец считал за честь породниться с ним, хотя бы по женской линии».

Случай, подобный рассказанному, привлекал в Чечню всяких авантюристов. Никто не проверял их происхождения. Важно было лишь походить лицом на араба. Иногда этим делом занимались персы.

Не вполне изжит до сих пор и мюридизм — учение, основанное на борьбе за «правоверие» и тарикате («путь к богу», нравственное совершенствование), с его вождями (шейхами) и последователями (мюридами).

В Чечне, пишет Д. Шерипов, существуют всевозможные религиозные секты, во главе которых стоят шейхи, создавшие ту или другую секту, каждый по своему плану. У каждого шейха есть последователи. т. н. мюриды, слепо верующие в святость шейха, стоящего во главе секты. Муллы, как представители официальной церкви, выступали против влияния шейхов, но эти единичные выступления значительного влияния на мюридов не оказывали.

Упомянутый нами автор приводит интересные штрихи, рисующие мюридизм:

«Шейхи строили свое материальное положение на невежестве мюридов, заставляя последних работать и наполнять зерном свои амбары. Интересно то, что главари сект, эти, так называемые помазанники бога, постоянно враждуют между собой. Да это и естественно, т. к. каждый шейх хочет увеличить число своих мюридов: чем больше последних, тем больше доходов. Невольно напрашивается вопрос: чем же шейхи проявляют свою святость? Да просто самым отчаянным враньем по какому-нибудь вопросу, заданному народом. Случается, что предсказание шейха оправдывается; конечно, это простое совпадение, но марка шейха поднимается, и сразу число мюридов увеличивается на несколько десятков. Если же предсказание шейха не оправдывается, то шейх самым наглым образом объясняет свою ошибку тем, что аллах не дал ему права дать точное и верное предсказание по заданному вопросу. Или тот же шейх заявляет собравшимся мюридам: вчера я во сне говорил с богом, и он, всемогущий, указал на такого-то мюрида, как на удобного ему, и двери рая широко открыты для этого мюрида.

Конечно, после такой приятной новости, счастливцев начинает популяризировать своего шейха и разрушать свое хозяйство для обогащения шейха. Шейхи предсказывают дождь, удачу в торговле, улучшение в состоянии больного и т. д.».

Наконец, до самого последнего времени мы можем проследить в Чечне ряд пережитков «домусульманских» верований. Таковы, например, изображения крестов на очагах, очаговых цепях, утвари и хлебах (пережитки христианства): таковы общественные моления под открытым небом на урочищах или на окраине аула, в которых теперь непременно принимает участие мулла, на которые являются несомненным остатком прежних мольбищ: таковы пережитки культа умерших: таковы же и

обряды вызывания дождя путем метания в реку камней, или обычай прогона скота через земляные ворота в целях прекращения эпидемии и т. п.

Материалом для следующих частей настоящей статьи, кроме литературных источников, послужили сведения, собранные мной во время двух научных экспедиций по Ингушии в 1920 и 1921 гг.¹⁾ Записи некоторых текстов от «языческого» жреца Эльмурзы Хоугиева были сделаны участником экспедиции Заурбеком Мальсаговым и им же переведены на русский язык. Многие из этого приводятся в печати впервые.

Ингушская старая религия, в том виде, как она мной изложена, теперь уже почти целиком достояние прошлого. Лет 30—40 тому назад можно было наблюдать во многих местах ингушских нагорий большие мольбища и жертвоприношения. В последующие годы традиция вымирала и вытеснялась исламом. Тем не менее познакомиться с этими верованиями, пережиточно сохранившимися в некоторых своих чертах до наших дней, очень важно. Современное культурное строительство в Чечне и Ингушии (как и всюду) базируется не на формальном подходе к жизни местного населения, а на углубленном и всестороннем учете всех ее слагаемых. Так, организованная советской властью комиссия по ликвидации кровной мести в своей деятельности умело пользовалась исконными обрядами примирения кровников, основанными на остатках родовой идеологии. Равным образом, и в других сторонах культурного строительства, а также при изучении ингушей и чеченцев, вопросы об их религиозных верованиях никоим образом нельзя сводить лишь к исламу. Картина гораздо сложнее. Мы уже видели довольно яркие примеры фанатизма и сектантства; ниже мы более подробно увидим не менее яркие черты «домусульманских» народных верований и христианства. При этом интересно, что ингуши и чеченцы являются в настоящее время на Кавказе одними из лучших, по сохранности традиций и пережитков, носителями идеологии родовой строя, в сферу которой хорошо вводят почти все те верования и обряды, которые мы излагаем.

В виду обширности фактов, статья, далеко не исчерпав темы, ограничивается лишь примерами из наиболее интересных и характерных сторон рассматриваемой религии.

Семейные обряды.

Центром домашнего культа является очаг. Пережитки этого культа сохраняются у ингушей до настоящего времени. В старинных жилых ингушских постройках — четырехугольных, приземистых, широких и несколько суживающихся кверху башнях (т. н. «гала»), очаг-костер был расположен отступая от стен. Интересно его устройство: на полу делалась неглубокая круглая выемка, обложенная камнями. Здесь разводился костер. Над костром, на особых, находящихся ниже потолка горизонтальных брусках — т. н. «гейбы», клалась, чтобы не загорелся потолок, плоская каменная плита с дырой. Через дыру пропусклась очаговая цепь (рис. 1.), укрепленная на потолке, низко свешивавшаяся над костром и снабженная крюком для котла. Топка была «черному». Обитаемые «гала» с такими очагами можно и в наши дни видеть в некоторых селениях нагорной Ингушии. Жилища более нового типа, — плоскокрышные саали, имеют пристенный очаг в виде камина с вытяжным отверстием вверху.

Очаг со всем относящимся к нему (огнем, золой, сажей, цепью и котлом) пользовался в доме особым почитанием. Перед едой в огонь (особенно по праздникам) бросали, с молитвой о благополучии, куски пищи.

¹⁾ Материалы этих экспедиций в настоящее время принадлежат Научно-исследовательскому институту народов Востока в Москве.

Ежедневно к вечеру хозяйка сгребала на очаге железной лопаточкой уголья в кучу, прикрывала их золой, чтобы жар сохранился до утра, и приговаривала: «Дай бог огню никогда не угасать». Накануне праздника «Нолжой» (новый год) в селе Одзик Хамхинского общества делали особые вареники. Один из них хозяйка приносила в жертву очагу.

В день «кер-сели» был запрет выкидывать золу или давать соседям огонь. В другие дни золу хоть и выкидывали, но шепотку ее надо было при этом вернуть на очаг. Во время больших семейных несчастий женщины, в знак того, что не для кого поддерживать огонь, накрывали голову котлами и выходили из дому. При выдаче девицы замуж ее трижды обводили в родном доме вокруг зажженного очага, высказывая пожелания, чтобы она была «плодовита, как зола», количество которой постоянно увеличивается, и привязана к семье, как сажка, которая с трудом отстает. После этого шафер брал за руку невесту и потрясал цепь в знак разрыва с семьей; затем кто-нибудь с жениховой стороны выносил невесту из дому, сопровождаемый нарочито враждебными действиями со стороны ее родственников.

Убийца, успевший вбежать в помещение и схватиться за очаговую цепь, этим самым становился под защиту хозяина дома. То же самое действие избавляло убийцу от кровной мести, если ему удавалось добраться до очаговой цепи в доме убитого.

Степень виновности вора определялась близостью к очагу того места, где он произвел пограбление. Так, самой большой виной считалось, если вор вошел в помещение с очагом и переступил через «гейбы» (т. е. был близ очага). Чем дальше расстояние от очага, тем преступление слабее квалифицировалось. Поэтому строго различали: воровство за, «гейбы», до «гейбы», на дворе, в конюшне или хлеву и, наконец, в поле. Помимо того, что за всякое воровство укравший должен был вернуть украденное в тройном размере, он еще вносил независимую от ценности украденного плату «тоам» — в знак примирения за безобразие, нанесенное дому. В первом случае (т. е. если была переступлена черта «гейбы») «тоам» состоял из 9 коров, 1 быка, 1 куска шелку и 1 барана, которого вор резал для примирительного угощения. В последнем, самом легком, случае (при краже на поле) «тоам» снижался до 1 коровы и 1 «примирительного» барана, так как ясно, что оскорбитель к очагу не приближался и был от него в момент преступления на весьма почтительном расстоянии.

На «гейбы», близ очага, вешали оружие, а по праздникам хозяйка ставила здесь же зажженные восковые свечи. Зять, как виновник того, что семья лишилась девушки, при первом своем посещении дома ее родителей за перешагивание границы «гейбы» обязан был зарезать от себя трехлетнего барана.

На памяти местного населения еще тот обычай, когда мать, перед тем как идти на поминки, обводила детей вокруг очага, давала им целовать железную лопаточку, которой сгребается жар, делала на золе этой же лопаточкой крест и говорила: «Дай бог вам быть целыми и крепкими, как железо».

До самого последнего времени ингуши считали грехом расстаться со старой, хотя бы даже ненужной, очаговой цепью.

Рис. 1. Очаговая цепь изкрученного железа — домашняя святыня. В нижней части — крест — пережиток христианства. (Из мат. Центр. муз. народовед.)

Тэрым'ы—духи—покровители места, постройки, живого существа, предмета.

Веру в духов-покровителей, называемых «тэрым»; характеризует рассказ, записанный мной в сел. Одзик Хамхинского общества. Некто Гыргы поехал за солью в Датых. На обратном пути он остановился ночевать на месте Боала-хақырыж. Перед сном он произнес: пусть меня хранит здешний тэрым. Ночью тэрымьы начали перекликаться между собой с вершин окрестных гор: «Пойдем гулять в Галгачие»,—раздается один голос. «Не могу, у меня спит гость, который вверился моей охране»,—отвечает другой. Перед рассветом опять раздаются голоса: «Хорошо ли гулял в Галгачие и что там слышно нового?» «У твоего гостя родился сын; по этому случаю были щедрые угощения, и я должен был остаться голодным».

Верили, что у скупого хозяина припрятанные от гостей яства поедает тэрымьы.

Разговор между тем продолжался далее. «Если новорожденному дадут одно из таких-то трех имен,—говорили незримые голоса,—он будет несчастным, обеднеет, продаст за 3 хлеба «хатты кекыргъ» (камень для трамбовки гумна и плоской крыши сакли) и сай уйдет с розного места». Гыргы все это слышал и поспешил домой. Но случилось так, что он все-таки не успел предохранить своего новорожденного младенца от беды: пришли соседи, молодежь кинула жребий, и мальчику досталось одно из несчастливых имен. После этого пророчество тэрыма стало оправдываться. У Гыргы была кошка, приносящая перепелок, и собака, ловившая зайцев. С рождения мальчика кошка начала носить мышей, а собака лягушек. Однажды во время сильной засухи Гыргы с сыном работали на поле. Сын, поглядев на растрескавшуюся от зноя землю сказал: «Почему бы ее не полить маслом», а когда вскоре пошел долгожданный благотворительный дождь, заметил: «Если бы у нас был такой расход, мы не обеднели бы». По смерти Гыргы, парень быстро обнищал, продал трамбовальный камень за три хлеба и покинул родное место.

По рассказам, у каждого человека есть свой тэрым, причем жизненные судьбы тэрыма и опекаемого им человека идут параллельно друг другу (в смысле, напр., пребывания в определенных местах, важных событиях и т. п.).

Кроме добрых духов, человека окружают злые—шайтаны.

Солнечные могилы.

Ингуши хоронили своих покойников в «кашах» («солнечных могилах»).

Так называются специальные каменные усыпальницы в один, два или три этажа, б. ч. сгруппированные близ селений (рис. 2). Эти могильники имеют три основных вида: а) продолговатых домов с двухскатным покрытием, б) четырехугольных сооружений, увенчанных пирамидальной крышей, в) круглых ядрообразных построек. Назначение всех трех видов—одно и то же. В каждый этаж ведет небольшой лаз, квадратное отверстие таких размеров, чтобы через него можно было пронести во внутрь покойника. Покойники (мужчины, женщины и дети), одетые в лучшие одежды, клались без гробов рядами вдоль стен на особые деревянные или каменные нары. Лаз прикрывается плитой. По обеим сторонам лаза в наружную стену часто вделаны небольшие шиферные доски с отверстием, куда при обрядах вставлялась траурная хоругвь «бэйрах». На внешних стенах «кашей» иногда встречаются небольшие прямоугольные ниши, предназначенные для душ умерших как пристанище от ветра и дождя. Вместе с покойником клались и различные «необходимые